

Унижение подходило к концу. Чжао Фан, стиснув зубы и опустив голову, совершил последние движения, завершая путь, который спас героя от жестокой расправы.

— Хвостом виляй!

— Ну же, лай!

Столпившиеся вокруг слуги так и сыпали издевками.

Чжао Фан теперь окончательно понял: прежний хозяин этого тела явно насолил многим, и никто не собирался за него заступаться.

Он уже закончил свое постыдное ползание, как вдруг у самого уха просвистел резкий порыв ветра. Чжао Фан не успел опомниться, как раздался истошный крик.

Он поднял голову и увидел, что слуга, стоявший перед ним, отлетел метра на два и врезался в росшее во дворе дерево.

Удар был такой силы, что толстый ствол содрогнулся, и на голову несчастному густо посыпался снег.

Чжао Фан оцепенел. Он во все глаза уставился на виновника случившегося, не веря собственным глазам.

Неужели этот удар нанес главный герой?

Откуда в нем столько мощи?

В представлении Чжао Фана герой был лишь ребенком – невысоким, щуплым, а значит, по логике вещей, и слабым.

Но это... это...

С таким ударом ему бы не в этой книге страдать, а мячи на чемпионате Азии забивать!

Потрясен был не только Чжао Фан – во дворе воцарилась гробовая тишина. Все уставились на мальчишку, разделяя изумление Чжао Фана.

Как в таком крошечном теле могла таиться подобная взрывная сила?

Гунсунь Сы стоял на месте, весь в крови, сжав кулаки до белых костяшек. От него исходила почти осязаемая жажда крови.

Прошло немало времени, прежде чем четвертая молодая госпожа пришла в себя. В ней боролись гнев и страх:

— Ты смеешь чинить расправу в моей резиденции?!

— Схватить... схватить его немедленно!

Стоявшие рядом слуги не решались подойти.

Барышня принялась раздавать им пинки:

— Никчемные твари! Живо ловите его, не то велю запороть вас до смерти!

Слуги, скрепя сердце, бросились вперед.

На самом деле тот удар был для Гунсунь Сы последним усилием, он уже не мог сопротивляться.

Прежде чем до него дотронулись, Гунсунь Сы рухнул на землю без чувств.

Чжао Фан бросился ему на помощь.

Началась потасовка, во дворе воцарился хаос.

В самый разгар борьбы снаружи донесся старческий, но властный голос:

— Что за шум в моем дворе? Неужели здесь больше нет места порядку?

Слова были сказаны негромко, но эффект превзошел все ожидания.

Шумевшие мгновение назад служанки и лакеи замерли как вкопанные. Они мигом выстроились в ряд и, низко поклонившись, слаженно произнесли:

— Здравья старой госпоже.

Старая госпожа окинула толпу холодным взглядом и в сопровождении матушки Чжао вошла во двор.

Она шла медленно, и каждый её шаг, казалось, отдавался в сердцах присутствующих тяжелым ударом. Люди боялись даже вздохнуть.

Старая госпожа была великой принцессой Чэнхуа, теткой покойного и нынешнего императоров. Она всю жизнь прожила в почете, но после кончины предыдущего государя ни разу не переступала порог дворца.

Сейчас её здоровье угасало, и она редко покидала свои покои.

Четвертая госпожа радостно бросилась ей навстречу:

— Бабушка, почему вы здесь? Неужели соскучились по Жун-эр?

Как бы старой госпоже ни претила заносчивость внучки, поделать она ничего не могла – это была её любимица. — Пришла посмотреть, как ты преуспела в рукоделии.

— И как твои успехи в словесности?

— Есть ли прогресс?

У четвертой госпожи при этих словах разболелась голова:

— Бабушка, ну почему вы опять проверяете уроки?

— Я ведь девушка. Учитель говорит, что отсутствие таланта – это добродетель для женщины. Мне ни к чему книги.

Старая госпожа холодно хмыкнула:

— В умении оправдываться тебе точно нет равных.

Она огляделась:

— Сегодня я приставила к тебе двух наставниц, будешь учить правила приличия. Ты уже не ребенок, скоро станешь лицом резиденции маркиза, а потому должна знать порядок.

В это время Гунсунь Сы без сознания лежал на руках у Чжао Фана. Тот хотел поклониться, но не мог опустить юношу прямо в талый снег.

Матушка Чжао, первой заметив сына, принялась отчаянно делать ему знаки глазами. Чжао Фан поспешно поприветствовал старую госпожу.

Она взглянула на мальчишку в его руках и, нахмурившись, спросила внучку:

— Что натворил этот слуга?

Четвертая госпожа с ненавистью выплюнула:

— Он говорил обо мне гадости.

— О? И что же?

— Назвал меня своенравной, капризной и неблагоразумной!

Барышня топнула ногой от злости – как смел какой-то попрошайка судить о ней.

Старая госпожа улыбнулась:

— А разве это не так?

— Я...

Лицо четвертой госпожи залило пунцовой краской. Ей не хотелось признавать, что гнев был вызван именно правдивостью слов; она действительно была своенравной, но слышать это от других не желала.

Старая госпожа, видя её замешательство, продолжила:

— Значит, ты и сама знаешь свой нрав.

— Что ж, признание – первый шаг к исправлению.

— Он сказал тебе это в лицо? Или кто-то передал?

Четвертая госпожа услышала это от Сяньюй, но Сяньюй была своей и не стала бы лгать.

Заметив, как внучка отводит взгляд, старая госпожа всё поняла: её неразумную внучку использовали как орудие. — Кто тебе это сказал?

Она говорила неспешно, ровным тоном, без тени эмоций, но в ушах Сяньюй эти слова прогремели как гром.

Четвертая госпожа хотела выгородить служанку и, набравшись смелости, ответила:

— Никто не говорил, я случайно подслушала.

Старая госпожа обвела взглядом челядь и усмехнулась:

— Вот как?

— Значит, виноваты все слуги: за то, что распускают сплетни и сеют раздоры.

— Эй, люди.

— Наказать их.

— По двадцать ударов по лицу каждому.

Тут же раздались звуки звонких оплеух.

Чжао Фан слушал это с содроганием. «Старый имбирь острее молодого», – подумал он. Одним махом она проучила всех.

Властная аура старой госпожи давила на людей непомерным грузом. Закончив осмотр двора, она остановила взгляд на лице Гунсунь Сы.

Юноша был смертельно бледен, из-за грязи и крови черты лица едва угадывались.

Тем не менее старая госпожа долго смотрела на него – так долго, что Чжао Фан начал беспокоиться.

Когда он поднял на неё глаза, она отвела взор и тихо вздохнула:

— Какой несчастный ребенок... В такой мороз и в столь ветхом рубище.

— Гуйчжи.

Матушка Чжао тут же отозвалась:

— Я здесь, госпожа.

— Распорядись сшить мальчику теплую одежду. Негоже, чтобы в нашей резиденции думали, будто мы изнуряем слуг.

— Слушаюсь, госпожа.

— Пусть твой Фан-эр поднимается, нечего коленапреклоняться, земля холодная.

— Слушаюсь.

Матушка Чжао подала сыну знак.

Чжао Фан поспешно поблагодарил:

— Старая госпожа, Гу Сы без чувств, мне нужно отнести его.

Старая госпожа уже собиралась кивнуть, но вдруг что-то вспомнила и запнулась:

— Твоя мать упоминала, что вы до сих пор живете в дровяном сарае?

— Да.

— В таком сыром и холодном месте человеку не место.

Старая госпожа задумалась:

— Мальчик, похоже, серьезно ранен, а ваше жилье далеко.

— Сделаем так: Гуйчжи, отведи их в свободные покои в моем дворе и позови лекаря Вэня, пусть осмотрит его как следует.

Матушка Чжао вздрогнула от неожиданности, но не подала виду:

— Слушаюсь.

Лекарь Вэнь был личным врачом старой госпожи, бывшим главой придворного медицинского приказа. Он жил в резиденции только ради высокородных господ.

<http://bllate.org/book/18123/1739326>